

Присяжный поверенный Павел Петрович Лыжин (1829—1904) был одним из кредиторов писателя, пытался взыскивать с Достоевского долги. В черновиках к роману «Преступление и наказание» Лыжин указан как один из прототипов П. Лужина.

«Бичуя» нравственную ущербность правовой позиции, которую вынуждены занимать присяжные адвокаты, защищая своих скандальных клиентов, Достоевский заимствует термин «прелюбодеи мысли» (у публициста Е.Л. Маркова), характеризуя адвоката Фетюковича из «Братьев Карамазовых» (прототипом последнего был знаменитый В.Д. Спасович, «не брезговавший» участием в скандальных «гонорарных» делах).

Отдельно следует остановиться на истории взаимоотношений Ф.М. Достоевского и выдающегося судебного деятеля Анатолия Федоровича Кони (1844—1927) [9]. Последний являлся одним из самых страстных почитателей и тонких ценителей его творчества. Кони в свое время одним из первых обратился к изучению юридического аспекта творчества писателя (см., например, его очерк «Достоевский как криминалист»), оставил о нем ценные воспоминания. Так, например, по образному замечанию А.Ф. Кони, «Преступление и наказание» является своеобразным путеводителем для юристов в мир психологии преступника. Кони-мемуарист особое внимание уделяет исследованию раскрытия писателем внутреннего развития (генезиса) преступления (у Раскольникова), это — «нищета, оскорбленная гордость, ожесточение, выработавшие в нем странную и болезненную теорию» либо механизма преступления «сытого и обеспеченного человека, под внешним спокойствием и порядочностью которого бьется снедающая страсть физического обладания» (у Свидригайлова). Кони справедливо указывает, что не только содержание преступления, но и способы исследования истины в уголовном деле, приемы оценки доказательств, индивидуализации применения мер пресечения глубоко и юридически точно исследованы писателем.

А.Ф. Кони справедливо подчеркнул неоспоримый вклад Достоевского в исследование вопросов субъективной стороны состава преступления (общественно опасного деяния) — прежде всего применительно к *лицам, больных волей* (напр., «горьких пьяниц»), *больных рассудком* (напр., душевнобольных) и *больных от неудовлетворенного духовного голода* (в классификации самого Достоевского). «Записками из Мертвого дома» Достоевский вошел в пенитенциарное право как убежденный противник «увлечения» тюрьмой как средством наказания и перевоспитания преступников, сторонником гуманизации уголовной политики. Достоевский, сам глубоко переживший на себе все ужасы тюремного и каторжного быта, став знаменитым писателем, всю оставшуюся жизнь остро сопереживал возможность нести тяготы уголовного наказания окружающими, даже теми, кто был к нему несправедлив, действуя в рамках христианской заповеди «Не судись!». Показательный пример: когда весной 1879 г. незнакомый писателю «пьянчужка» Ф. Андреев напал на Достоевского, совершившего предобеденную прогулку, разбив ударом бутылки голову, последний не простил обидчика на следствии и в суде, а ходатайствовал перед судом не подвергать виновного наказанию и даже выдал ему деньги для уплаты наложенного уголовного наказания — штрафа.

Достоевский первым «познакомил нас с русской каторгой, с действительной Сибирью», высказался о целесообразности и справедливости смертной казни — строго осудив ее в «Идиоте» как «нечто более жестокое, чем преступление». Ф.М. Достоевский всем своим творчеством — вечный защитник слабых, прежде всего детей, и не только — в своем творчестве. Вместе с неутомимым Кони Достоевский посещает колонию для малолетних преступников на Охте (декабрь 1875 г.), деятельно участвует в смягчении участи осужденной Петербургским окружным судом (1876) крестьянки Е. Корниловой, покушавшейся, под влиянием психотравмирующей ситуации, созданной супругом, на убийство своей малолетней падчерицы. Достоевский на страницах «Дневника писателя» поставил под сомнение вменяемость Корниловой — «ввиду частых ненормальностей в душевных движениях и порывах беременных» и в итоге оказался прав (при повторном рассмотрении дела Корнилова была оправдана). По другому уголовному делу — о спасении 11-летней девочки по имени Марфуша от рук развратного и пьяного отчима, Достоевский также активно «хлопотал» перед чиновниками министерства юстиции, в результате чего девочка была помещена сначала в детскую больницу, а затем — в детский приют. Вслед за великим английским романистом Чарльзом Диккенсом, Достоевский призвал к «внимательному и любящему изучению детской души, приходящей в столкновение с суровым разумом жизни».

Не будучи специалистом в научных юридических теориях, замыслы и социальную направленность многих своих произведений Достоевский черпал из как из собственной жизни, современных криминальных и судебных хроник (взять хотя бы процесс по обвинению банкира С.Л. Кроненберга в истязании своей малолетней дочери), писатель не раз сам присутствовал в качестве слушателя на «громких» процессах; а также из творчества близких ему по духу писателей. К таковым, несомненно, можно отнести великого Оноре де Бальзака (1799—1850), автора цикла произведений под названием «Человеческая комедия». Бальзаком Достоевский восхищался всю жизнь, его влияние («Гобсек», «Отец Горио» и др.) испытал, работая над «Преступлением и наказанием», «Братьями Карамазовыми».

Особую роль сыграл Достоевский в создании положительного образа следственного работника, профессии, ранее сомнительной, с общественной точки зрения. Таким стал Порфирий Петрович из «Преступления и наказания», который, возможно, вообрал в себя некоторые черты начальника петербургской сысской полиции легендарного И.Д. Путилина [10].

Достоевский, описывая душевные терзания Ф. Раскольникова, обитавшего, как многие другие его герои в «каменных мешках» — домах-колодцах Петербурга, подавлявших своей серостью и удушьем психику городских жителей, тем самым «де факто» внес эмпирический «вклад» в обоснование идей «архитектурной криминологии» (70—90-е годы XX века), усматривавших прямую корреляционную связь между «мрачными» высотными домами, высокой плотностью застройки и источниками депрессии и криминальной активности горожан [11].

Окончание в следующем номере.